

Ключ-Ясень

Под редакцией Марии Фомальгаут

**Григорий Кабанов
Анастасия Юдина
Екатерина Гракова
Наталья Соколова
Екатерина Замошная
Ключ-Ясень**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12261087
ISBN 978-5-4474-3198-3*

Аннотация

На Луне припеваючи Шляпа жила,
На ней ярко-алая роза цвела.
Ей было комфортно средь лунных камней:
Сила тяжести меньше и звезды видней.
Ветра нет, не гонял он, как склочную шавку,
Эту гордую шляпу с ключом за подкладкой...
Но пришел за ключом Шамбрие в лунный рай,
И Шляпе покинуть пришлось этот край.
Теперь без присмотру осталась Луна,
И съедена будет наверно она...
Ирина Станковская

Содержание

Григорий Кабанов	8
Ответ Мистера Стика	8
Анастасия Юдина	13
Старая французская сказка	13
Старая песенка	14
Где-то далеко отсюда	16
Происшествие в Шахматном Клубе	17
Пролог	17
Глава 1	17
Глава 2	18
Глава 3	18
Эпилог	19
Сокровище	21
Туманный Тупик	22
Сказочница Наташа	26
Мы возвращаемся домой!	26
Обратная сторона Луны	29
Жила-была Шляпа	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ключ-Ясень

Под редакцией Марии Фомальгаут

Наталья Соколова

Анастасия Юдина

Екатерина Замошная

Екатерина Гракова

Григорий Кабанов

© Наталья Соколова, 2015

© Анастасия Юдина, 2015

© Екатерина Замошная, 2015

© Екатерина Гракова, 2015

© Григорий Кабанов, 2015

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Жили-были на портале Фантастика РФ картинки талантливой художницы и писательницы Марии Фомальгаут. Другие авторы ходили вокруг да около, хвалили и комментарии писали, а потом взяли и устроили конкурс по картинкам.

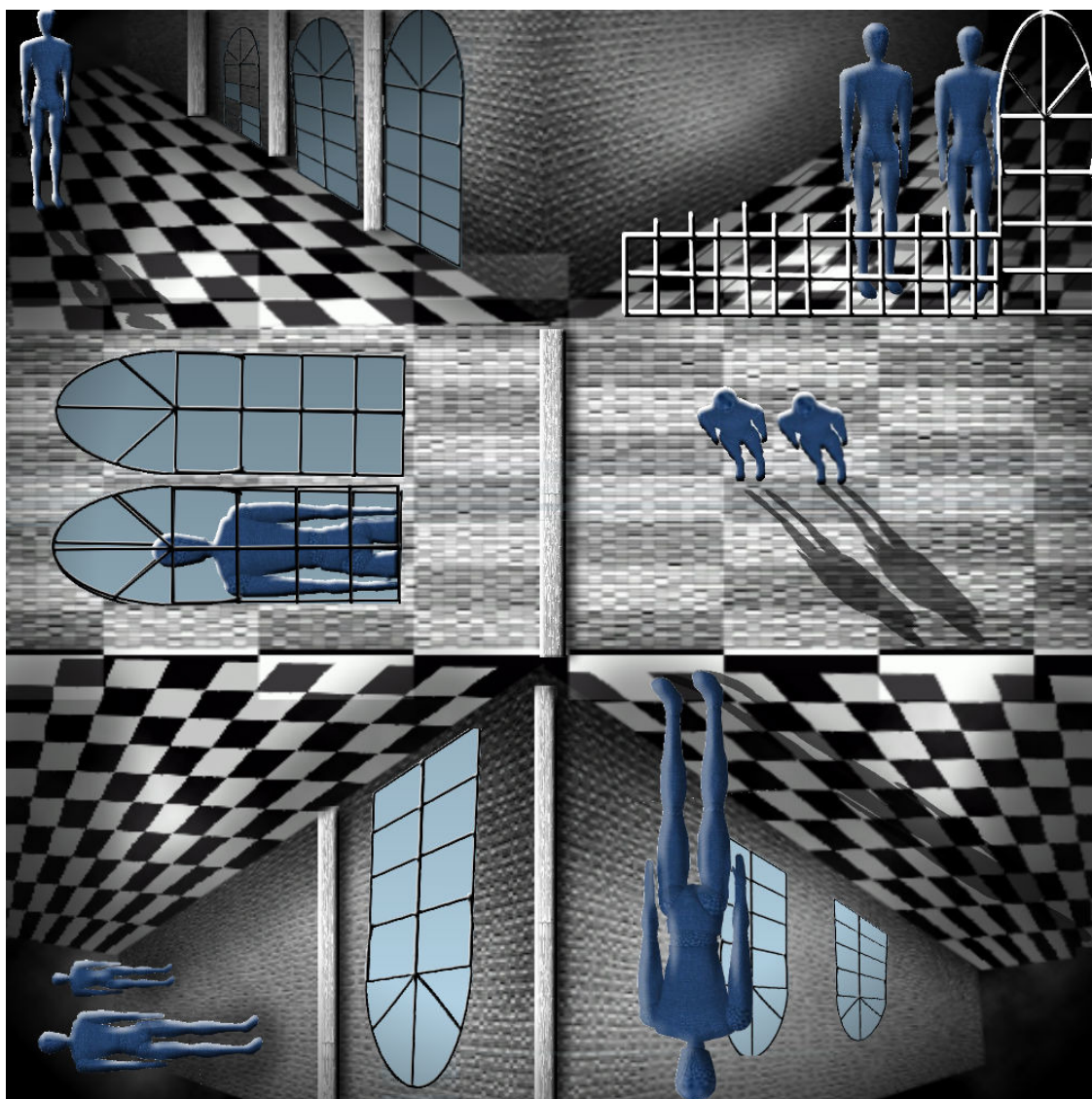
И появились на свет истории – хорошие и разные. И тоже стали жить-поживать.

И теперь живут. под одной обложкой. В этом самом сборнике.

Анастасия Юдина

Григорий Кабанов

Ответ Мистера Стика

У вампира
Украли рапиру.
У русалки
Украли скалки.
У Илюшки
Краснели ушки.
Догадался,
Кто сознался?

– А кто такой Илюша? Это мальчик – такой же, как я?

– Ну, не то чтобы совсем такой же... – ответил Мистер Стик своему юному другу.

Они сидели на крыльце небольшого домика с коричневой крышей.

Внизу – под холмом – сустились горожане. Выглядели они странновато. Сказать по правде, людьми их можно было назвать с большим трудом. В этом сказочном месте обитали существа самые разные. Одни походили на музыкальные инструменты с ручками и ножками, другие – и вовсе на часы с крылышками, которые летали по воздуху.

Некоторые, правда, всё же напоминали людей, как, например, друг мальчика – Мистер Стик. Он был настолько высок и худ, что издали казался проволочной фигуркой. Или росчерками пропорций для позы на заготовке картины, к которой даже ещё не начали делать набросок. Одет он был во всё чёрное. Сшитый на заказ костюм плотно облегал его тонкие конечности и такое же узкое туловище. На голове сидел небольшой цилиндр.

– Они расследуют преступление? – спросил мальчик у своего друга.

– Это не совсем преступление. Точнее, оно не совсем обычное.

Мистер Стик любил давать такие таинственные ответы. Возможно, так он развлекался, хотя тон его всегда оставался серьёзным, как у очень воспитанного и тактичного джентльмена. Но, как сказал бы Мистер Стик: «Не совсем обычного джентльмена».

Рядом с крыльцом посапывал большой чёрный кот. Но друзья решили его не трогать, а поднялись со своего насиженного места и пошли вниз по лениво виляющей тропинке.

За ними увязался ещё один их товарищ – летающий цилиндр, как у Мистера Стика на голове, только потолще, с крылышками. Давнишний его приятель. Цилиндр любил петь дурацкие песенки. И вообще, он был довольно странноват.

– Что произошло? Что случилось? – выли виолончели.

– Беда! Беда! – пищали скрипки.

– Да, дела-а... – бурчал контрабас.

– Спокойно, дамы и господа, – пытался успокоить их следователь, в чём-то похожий на Мистера Стика, только вместо головы – рыжая тыква с вырезанным на ней лицом. То есть со вполне обычным лицом, которое было у Инспектора с самого его рождения, но из-за резких черт оно казалось вырезанным, словно некий весельчак, праздновавший Хэллоуин, надел тыкву себе на голову.

Он вышагивал вокруг нарисованного на мостовой силуэта, по форме которого невозможно было определить, что за существо здесь лежало. И было ли оно существом.

– Итак, в ночь с 71-го по 82-е, в 11 утра по Гринвичу, некий злодей совершил преступление.

Бродившие рядом полицейские с фотоаппаратами вместо голов запечатляли тот белый контур, начертанный на асфальте.

– Здравствуйте, – обратился к Инспектору Мистер Стик. – Я живу в том доме на холме. Расскажите, что здесь произошло? Возможно, я смогу вам помочь. Ну, может быть, и не совсем помочь, но что-то в этом роде. А может, и не в этом роде.

Инспектор нахмурился и достал блокнот:

– Скажите, вы не замечали ничего обычного сегодня ночью?

– Обычного?! – удивился мальчик. – Может, вы хотели сказать «необычного»?

– Что вы, молодой человек, – улыбнулся Инспектор, – что-то необычное я вижу каждый раз, когда отрываю глаза от своего блокнота.

– Ну, не такого уж и простого блокнота, – подметил Мистер Стик.

– Так вот, нечто обыкновенное увидеть в нашем городе почти невозможно, – закончил мысль Следователь.

– Как же так? – воскликнул мальчик. – Для меня-то здесь всё кажется странным. То есть, я хотел сказать, не таким, к чему привык я. Но вы наверняка должны ко всему здесь привыкнуть, разве я не прав?

– О, что вы, мой юный друг, такое разве бывает? – Инспектор взлохматил ему волосы.

Из-за спины Мистера Стика вылетел Цилиндр и пропел:

Завиднелась
Среди неба
В платье белом
Королева.

Все рассмеялись.

Мальчик стиснул зубы. Он знал, что скажет ему Мистер Стик, поэтому не стал даже спрашивать. «Да, королева, но не совсем королева», – ответил бы его приятель. А если бы мальчик попытался отгадать эту загадку, Мистер Стик произнёс бы что-то наподобие: «Да, ты прав, это солнце. Но не простое солнце...» В последнее время мальчик даже начал сомневаться в том, что существует на этом свете хоть что-нибудь «простое». Если послушать Стика, то такая редкость, как «обыкновенное», давно перевелась. А Инспектор подтвердил эту столь же необычную догадку.

– Вы утверждаете, что убийцей двигали совершенно обыкновенные мотивы? – возобновил разговор Мистер Стик.

– Вы правы.

– Знаете, мне кажется, что им двигали не совсем обычные мотивы. Я бы сказал, совсем необычные. И не совсем двигали.

– Что ж, вы так считаете? – Инспектор сделал пометку в своём блокноте.

– Убийство?! – удивился мальчик. – Ах, да. Нарисованный мелом контур на асфальте.

Цилиндр с крылышками снова вспомнил стишок и пропел его под оханье виолончелей:

Ленивый покойник Василий
Любил полежать в гробу.
Много-много усилий,
Чтоб встать, было нужно ему.

Мальчику вдруг стало даже немного стыдно. А почему – он и сам не понял. Вроде бы и звали его не Василием. И для покойника он был слишком... слишком... живым. Да, так звучит лучше всего. Впрочем, спрашивать об этом Мистера Стика он побаивался. А вдруг тот ответит: «Не то чтобы совсем уж живым». Тьфу! Ну уж нет!

– Вы мне очень помогли, – поблагодарил Инспектор.

Попрощавшись с ним, друзья отправились на ночную прогулку.

Взглянув в сторону дома на холме, мальчик увидел странную картину.

Существо, похожее на Луну, взобралось на крышу, достало нож, и, отпилив от настоящей Луны кусочек, прыгнуло во тьму.

– Эй, а что он делает? – спросил мальчик и осёкся. «Сейчас начнётся, – подумал он. – Не то чтобы де-е-елает, и не то чтобы не де-е-е-елает». Но Мистер Стик приятно удивил:

– Ты же слышал о фазах Луны? Она должна проходить цикл каждый месяц, строго-настрого. Тут уж ничего не поделаешь. Приходится кому-то выполнять эту нелёгкую работу.

– А зачем отрезать кусочки от большой светлой луны? Разве кривой маленький месяц лучше неё?

– Каждому когда-нибудь нужен месяц. Например, я на нём, как на лодке, однажды переплыл большой океан. То есть, не совсем большой. И не совсем океан, – поправился Мистер Стик, и мальчик вздохнул с облегчением. А то ему уже начало казаться, что его друг странно себя ведёт. Точнее, наоборот – не странно.

Они оказались на площади с шахматной расцветкой асфальта. Деревья производили удручающий вид отсутствием листвы. Зато на них росло множество ключей. Да-да, прямо на ветках.

– Вот бы и нам найти такую рощу, только на ней бы росли ответы на наши вопросы, – пробормотал мальчик.

– Ответы вредны для нашего общества, – возразил Мистер Стик. – Ответы в нашем городе запрещены.

– Запрещены?! Ответы?! – удивился мальчик.

– Да, из-за них жизнь становится скучной. И чтобы побороть скуку, люди совершают разные глупости. Ну, то есть, не совсем глупости. Но и не совсем осмысленные действия.

Цилиндр сел на ветку и запел:

Среди кексов и эклеров,
В государстве из конфет
Благородным кавалерам
Запретили есть омлет.

«Бессмыслица какая-то», – подумал мальчик. И ещё ему почему-то казалось, что в этот раз совершенно не о чем спрашивать Мистера Стика. Даже если кавалерам и не совсем запретили есть омлет, или если омлет оказался бы не совсем обыкновенным, всё равно никакой особой таинственности ответ друга бы не привнёс.

Поэтому мальчик вернулся к старой теме:

– Как ты думаешь, кто мог совершить то преступление?

– Кто-то, узнавший ответ, – уклончиво отозвался Мистер Стик.

И в этот раз Цилиндр нашёл, что сказать:

Кто боится
Вдруг раскрыться?
Кто не хочет признавать?
Кто тут злится,

Убедившись,
Что ошибся он опять?

– И снова вопросы, – охнул мальчик.

– Не совсем вопросы, в каком-то смысле это ещё и ответы.

В этот раз слова Мистера Стика показались совсем уж банальными. Он всегда отвечал в одном и том же духе. Это даже начинало казаться подозрительным.

– Ты сказал, что убийцей двигали не совсем обыкновенные мотивы. Что это значит?

– Думаю, это значит, что какие-то его действия были преступно банальными, но он мог бы совершить и что-нибудь необычное.

– Что, например?

– Выдать себя.

– Например, как?

– Прийти на место преступления, заговорить с инспектором.

– Но если бы он себя выдал...

– Никто бы не стал его ловить, – возразил Мистер Стик. – Ведь это самое обычное действие. А полицейские, как и все остальные, обязаны подчиняться закону. Ничего обычного. Никаких ответов.

У мальчика закрались сомнения, но он в силу своего возраста ещё не обзавёлся недоверием к самым близким людям и успокоил себя тем, что друзья никогда не совершают преступлений. И всё же что-то заставило его спросить:

– А совершить убийство рядом со своим домом – это обычное или необычное действие?

– Как знать. Главное, друг мой, я уверен, что ты невиновен. Ты – единственный обычный мальчик среди всех в этом городе. В отличие от злодея, который, хоть и совершил до преступного логичное действие, но всё же поддался своей странной природе. Ты же совершенно обычен, но именно этим для всех жителей нашего города ты и необычен. Я верю, что ты не злодей. Даже так: я знаю наверняка ответ на этот вопрос.

Задумавшись, мальчик не заметил, как Цилиндр вновь начал петь:

Не тот
Умён,
Чей слог
Силён.

Не тот
Стрелок,
Кто жмёт
Курок.

Не тот
Злодей,
Кто бьёт
Людей.

А тот,
Кто убеждён,
Что прав лишь он
Во всём.

– Ну, не то чтобы совсем уж так во всём он прав, а скорее, может быть, напротив, и не прав он вовсе... – начал рассуждать Мистер Стик, даже не дождавшись, когда мальчик его спросит. Тот лишь тоскливо вздохнул, потому что спрашивать и не собирался.

Подумав немного, мальчик произнёс совершенно другое:

– Скажи, Мистер Стик, ведь это сон?

– Ну, не то чтобы просто сон...

– Значит, ты мне снишься?

– Не совсем.

– Значит, я скоро проснусь?

– Ну, я бы не сказал, что так уж скоро.

– Значит, я буду спать ещё очень долго?

– Мой друг, я и этого не берусь утверждать. С тобой никогда не было, чтобы, увидев долгий, почти бесконечный сон, ты проснулся и понял, что дремал всего пару минуток?

– Если честно, не припомню.

– Может быть, ты просто забыл, – произнёс Мистер Стик. – Или нет, не совсем просто забыл, – поправился он.

Тем временем в алое рассветное небо неторопливо восходила «белая королева»...

Анастасия Юдина

Старая французская сказка

Я в этот дом вошла, как в пустоту,
Окованную медными цепями.
У птиц сгорали перья на лету.
В саду росли деревья вверх корнями.
Откуда знать: где правда, где обман?
Ведь каждый камень тоже знает что-то.
Сестрица Анна, посмотри: кругом туман,
И голосам не выйти за ворота.
А мне казалось: стены, как стекло.
Я проходила стены, словно воздух.
И ветром в глубину меня влекло.
Меня держали за руки, но – поздно.
Не знаю я, виновна иль права.
В моей ладони уголь раскаленный.
Сестрица Анна, посмотри: растет трава.
И братья слышат голос отдаленный.
Весь этот дом – ни Божий и ни чей.
Прозрачен, но прозрачен только с виду.
Я завладела связками ключей,
Вошла туда, откуда я не выйду.
К ладони ключ прикован навсегда.
Меня накроет волнами прилива.
Сестрица Анна, посмотри: течет вода.
Коней седлают братья торопливо.
Я отыскала чашу под замком.
Ворвался дождь, пергаменты листая.
И в это миг мне был весь мир знаком.
И в этот миг он дрогнул и растаял.
Но в этой чаше был, наверно, яд.
Слепые воды течь не перестанут.
Сестрица Анна, посмотри: костры горят.
И скачут всадники. Но нас здесь не застанут.

Старая песенка

Город Палермо затоплен и хочет уплыть.
Дочка аптекаря плачет, чернее цыганки.
78 служанок и 43 няньки
Дружно хлопочут вокруг и не знаю, как быть.
Я буду летать. Но держит земля.
В дальней реке я порезала сердце осокой.
Я люблю короля.

Девочка плачет, служанки не могут помочь.
Старый аптекарь в солидной заштопанной шляпе
Вынул стакан и отмерил 14 капель,
Чтобы лечить свою очень капризную дочь.
Я буду летать. Но держит земля.
Я прикасалась губами к неведомой чаше.
Я люблю короля.

«Не журавля, а синицу ты, дочка, лови!
Ни умирать без причины, ни плакать не надо.
132 кавалера поют под окном серенады.
Выйди, послушай, забудешь о вздорной любви!»
Я буду летать. Но держит земля.
Я про далекие земли услышала песню.
Я люблю короля.

В Падуе падают, падают с яблонь цветы.
В светлой Флоренции тонут в цветах галереи.
47000 цветов и 11000 деревьев
В этом саду за окном, где хозяйкою ты.
Я буду летать. Но держит земля.
Я путешествую ныне иными садами.
Я люблю короля.

В небе журавль, не поймает его никогда,
Но отгоняют синицу надменные руки.
217 врачей, умудренных в науке,
Спорят и спорят без пользы, хотя без вреда.
Я буду летать. Но держит земля.
Мне остается лишь неисцелимая рана.
Я люблю короля.

Весь юго-запад качает, болит голова.
Мой телефон раскаленный гудит от натуги.
40 друзей и 124 подруги
Мне позвонили, узнав, что осталась жива.
Я буду летать. Но держит земля.

Я сочиняю смешные, наивные песни.
Я буду летать. Где скрылась земля.
Кошки гуляют по улице Софьи Перовской.
А я – люблю короля.

Где-то далеко отсюда

Корабль затонул. И еще один приступ гнева
Вмял на тысячу футов в землю сахарные дома.
И радугу выключили, и пальмы надрезали бритвой.
И всё как-то мимо. И даже нет закурить.
Но где-то во имя твое играют Моцарта.
Я пойду туда, куда убегают белые крысы.
Туда, где листьям давно уж смысла нет опадать.
Где пляшут ящерицы с сапфировыми глазами.
Где можно спать, спать, спать. И видеть простые сны.
Где солнце – ешь не хочу. Где дарят игрушки и ходят в светлом.
И где во имя твое играют Моцарта.

Происшествие в Шахматном Клубе

*Попытка реализовать давнюю идею и написать детектив,
где преступником был бы читатель
И да простит меня Льюис Керролл*

Пролог

Сложно сказать, кому из нас двоих пришла в голову идея поиграть в покер в «Шахматном Клубе». Наверное, все-таки тебе. Я всегда знал, что ты – большой любитель экстравагантных выходок. Нет-нет, я прекрасно понимаю, что единственная твоя цель – поразвлечься, слегка шокировать добропорядочных обывателей, вытряхнуть их из вечной клубной дремоты.

Но в тот раз ты слегка переборщил.

Пока мы сидели в тихом уголке и перекидывались «стритами», «фулами» и «каре» меж двух чашек чая и блюдечком с бисквитами, все было нормально. Но когда ты торжествующе выложил на стол сыгравшие победный туш карты и провозгласил на всю гостиную «Флэш-рояль!», случилось что-то странное.

По комнате пронесся порыв ледяного ветра. Высокие, тонкие свечи качнули пламенными головками и, испуганно вздохнув, погасли. Раздался звон разбитого стекла.

Присутствующие, не исключая шахматных фигур, повскакивали с мест.

Глава 1

Я включил подсветку на смартфоне и, покопавшись в рюкзаке, достал планшет. Ты вытащил из портфеля еще один, и комната озарилась странноватым голубым светом – таким холодным и неуютным после нежно-золотистого сияния свечей.

К нам, прихрамывая, подошел владелец клуба – старый Додо.

Кажется, он единственный, кто сохранял спокойствие. Сгрудившись в дальнем углу гостиной, остальные посетители перешептывались, нервно всхлипывали, а кто-то (по моему, Алиса) рыдал в голос. И все смотрели на нас с плохо скрытой неприязнью, смешанной с ужасом. Еще бы – мы были здесь чужаками. И мы не испугались. Наверное, потому, что ничего не поняли.

– Прошу прощения, джентльмены, – проскрипел Додо. – Поскольку вы – единственные случайные гости нашего клуба, придется вам придумывать, как выпутаться из сложившейся ситуации. Нам она представляется безвыходной, причем в буквальном смысле слова. Никто, и вы, в том числе, не может покинуть это здание.

– Но почему?

– Потому что пропала вывеска с названием. А безымянное заведение – заведение не_существующее в не_времени. Ни в одном из невозможных миров. Поэтому придется нам тут сидеть до скончания вечности, если мы не найдем вывеску.

– Может, позвонить в полицию? – предложил я. – Они найдут пропажу или похитителя, если он был.

– Увы, телефон в не_существующем клубе в не_времени тоже не работает. Хорошо, что окно разбито, иначе мы бы попросту задохнулись от недостатка воздуха.

– Можно позвонить по мобильнику. Говорите номер!

Додо с сомнением посмотрел на странный светящийся прямоугольник у тебя в руках, покачал головой, но номер все-таки дал.

Как ни странно, дозвонились мы легко. Наверное, потому, что наши гаджеты принадлежали другому миру и не подчинялись законам этого.

Я было подумал, что полиция придет за нами карету скорой помощи из Бедлама или просто посмеется, но когда ты рассказал, что случилось (со свойственной тебе четкостью формулировок), нежный девичий голос в трубке отозвался:

– Не беспокойтесь, мы сделаем все возможное, чтобы помочь! Детектив уже вылетел!

Глава 2

Черная шляпа с глазами-часами влетел в разбитое окно и, сложив летучемышшные крылья, спланировал на стол.

Мне стало не по себе: изображения масти пик, которыми были украшены крылья ново-прибывшего, наводили на мысли о злодейском умысле; а отсчитывающие время до без пяти минут полночь глаза напоминали о том, что мы застряли в не_времени. Возможно, на целую вечность.

– Позвольте представиться, – глубоким баритоном произнес шляпа, – детектив Питер-Джейн Хэтти.

– О! Моя пропавшая шляпа! – обрадовался Безумный Шляпник, выскакивая из угла и пытаясь схватить головной убор.

Детектив вспорхнул под потолок, подождал, пока Додо и карточные валеты успокоят Шляпника, усадят его за стол и нальют ромашкового чая, – и только после этого опустился обратно.

– Я, конечно, в курсе, что Шляпник безумен, но не думал, что до такой степени, чтобы перепутать представителя закона с собственной шляпой.

Я сказал это тебе, тихо-тихо, но мистер Хэтти услышал меня и обернулся.

– Он ничего не перепутал: всё так и есть. Как вы знаете, когда-то, давным-давно, Шляпник был очень разумным человеком, но полагал, что примерять готовые шляпы следует на свою голову. Конечно, если делать это постоянно, можно и самому превратиться в болвана. Что, увы, и произошло. А я был той последней шляпой, которую Шляпник примерил, еще находясь в здравом уме. Поэтому весь его разум остался внутри меня. Мне было очень жаль хозяина: в конце-то концов, он был неплохим человеком – очень добрым и заботливым ко всем нам. Но после того, как он назвал меня Своей Последней Шляпой, и я обрел разум и ожил, что могло связывать меня с милым, тихим, но сумасшедшим человеком? Я улетел из мастерской и очень быстро нашел работу – в Скотланд-Ярде. И, как видите, – шляпа гордо продемонстрировал наленточный значок, – дослужился до детектива... Но перейдем к делу. Я знаю, что у вас пропала вывеска. Это весьма трагическое происшествие. Мои соболезнования, – шляпа развернулся к Додо и сочувственно покивал тульей. – Мне нужно будет допросить всех, кто в это время находился в Шахматном Клубе. Я очень надеюсь, – мистер Хэтти внимательно посмотрел часами, стрелки которых немедленно приняли официально-двенадцатичасовое положение, на всех присутствующих, – что вы будете сотрудничать со следствием. Я также надеюсь, что вы понимаете всю серьезность положения, и не станете сговариваться перед дачей свидетельских показаний.

Глава 3

Допрос свидетелей не занял много времени. Во-первых, потому, что и посетителей было немного. А во-вторых, и сказать-то им было практически нечего.

И мы с тобой, и Додо, и Безумный Шляпник, и Белая Королева на разные лады повторяли одно и то же: всё было тихо и спокойно, горели свечи, потрескивали дрова в камине, за окном шелестел дождь. Алиса и Герцогиня играли в шахматы, остальные вели пятичасовые беседы за чашками чая. Вдруг ледяной ветер пронесся по комнате. Всех, даже шахматные фигуры, охватил ужас и трепет. Погасли свечи, раздался звон разбитого стекла. (По мнению мистера Хэтти – это ударила в окно качнувшаяся цепь, на которой была закреплена вывеска).

И... и... вот и всё.

Алису допросить не удалось, потому что она плакала на плече у Белого Кролика, пыталась посмотреть на часы, которые показывали никакое время, и просилась домой к маме.

Нам стоило невероятных трудов разбудить Ореховую Соню. Она душераздирающе зевала, тёрла глаза и смогла понять, что от нее требуется, только после чашки крепкого красного чая.

Наконец, Соня вникла в существо задаваемых шляпой вопросов и пробурчала:

– Ну вы даёте! Можно подумать, у вас у всех болванки вместо голов – такие вы глупые, – Шляпник начал было возмущаться, но мистер Хэтти махнул на него крылом, и бывший мастер, обидевшись, спрятался в пустой молочник. – Почему местные шахматы умеют ходить, разговаривать и даже пить чай? – продолжала Соня, оглядывая всех сонными глазами цвета спелого ореха, размером с блюдечко. – Потому что Додо назвал свое заведение «Шахматным Клубом». А любая названная вслух вещь становится живым существом. Вот ты, например, – Соня махнула рукой в сторону шляпы и еще раз зевнула.

– Один из основных законов нашего мира: не оживлять предметы, имеющие имена собственные и предназначенные для бытового повседневного использования, без крайней необходимости, которая может быть определена только после подачи заявки в установленном порядке в Комиссию Одушевления. Членами Комиссии являются наши старейшие и уважаемые карты и шахматы, а бессменным председателем – досточтимый Мартовский Заяц. Комиссия тщательно анализирует каждый отдельный случай и изучает потенциальные риски, связанные с появлением не_существующих мест и предметов, а также с нарушением течения не_времени в нашем мире, – важно подтвердил детектив. – Это всем известно. Но вывеска-то тут при чем?

– А при том! Когда один из нас произнес вслух название клуба и комбинации карт, нарисованной на вывеске, вывеска, разумеется, ожила, сорвалась с цепей и улетела. А мы оказались в не_существующем месте в не_времени.

Соня снова зевнула, пробурчала: «Надоели вы мне все с вашими пропажами. Посплю-ка вечность-другую», – и, свернувшись калачиком в кресле, засопела.

Эпилог

Я смотрел, как тебя уводили. Ты не пытался вырваться, не кричал, что ничего не знал, что сделал это не нарочно. Ты спокойно шел меж двух карточных валетов, а следом за вами летел шляпа. Только на пороге ты обернулся и посмотрел на меня, и в твоих глазах я увидел настоящую боль. Ты уже успел понять, какой вред причинил шахматному клубу, его обитателям и всему этому миру. И это было куда печальнее, чем грядущее наказание, каким бы суровым оно ни было.

Когда дверь за вами закрылась, я спросил Додо:

– Что с ним теперь будет?

– Не знаю, – пожал плечами владелец клуба. – Думаю, ему придется придумать, как вернуть вывеску. Это будет нелегко. Вряд ли она согласится, чтобы ее снова приковали цепями – она ведь теперь живая.

– А мы что будем делать?

– Ждать, – отозвалась Белая Королева. – Просто ждать. И когда-нибудь существование и время к нам вернутся. Пойдем, выпьем чаю: ты ведь тоже застрял здесь неизвестно на сколько.

Я сидел, пил чай с бисквитными пирожными и думал: если когда-нибудь всё в этом не_существующем в не_времени клубе наладится, и мне удастся выбраться отсюда, я все равно вернусь сюда снова. Только в следующий раз я приду один.

Потому что, показывая свой мир читателю, ты сильно рискуешь. Ведь каждый читатель норовит хоть мелочь, да изменить по-своему. Например, сыграть в покер в шахматном клубе.

Сокровище

Я поднимаюсь по крутой винтовой лестнице в башню – самую высокую башню моего замка. Здесь, в огромном круглом зале с прозрачной крышей, сквозь которую видны звезды, собрано всё, что я скопил за долгие годы.

Каждый вечер я прихожу сюда, чтобы, как дракон, насладиться моим сокровищем. Зажигаю свечи в канделябре и, держа его в левой руке, прохожу вдоль высоких шкафов, касаясь правой старых, пожелтевших артефактов на полках. Содержание... нет, их души я знаю лучше, чем свою собственную жизнь. Спросите меня – и я с легкостью назову вам имя каждого; перечислю все символы и знаки, начертанные на поверхности; расскажу, какие тропинки, леса, поля, города и пустыни таятся внутри.

Но все равно прихожу снова и снова: вспомнить то, что никогда не забывал; найти то, что не терял; погрузиться в реки, из которых не выходил. А иногда – как сегодня – заново пережить чью-то печаль.

С трудом, поднявшись на цыпочки, дотягиваюсь до верхней полки, где аккуратно расставлены мои самые ценные приобретения.

А вот и он – старый, запылившийся, потрескавшийся. Мое любимое сокровище, за которое когда-то, много лет назад, я отдал коллекцию перьев для письма и стопку древней шелковой бумаги, украшенной цветочными виньетками и изысканным орнаментом.

Я беру артефакт в руки, нежно глажу поверхность, до блеска отполированную множеством рук, касавшихся ее задолго до меня. Заглядываю внутрь.

И сердце мое наполняется болью и тоской. Словно наяву, проходит перед моими глазами чье-то грустное детство, непонятая юность, печальная зрелость и одинокая старость – в этом самом замке, в этом самом зале, в окружении книг, расставленных на полках в высоких дубовых шкафах.

Говорят, жили когда-то на свете существа, именуемые людьми. Говорят, что эти люди писали книги: о том, что видели и пережили; о далеких странах и неведомых мирах. Они зачем-то записывали на тонких, хрупких страницах всё, что случилось и не случилось с ними; всё сбывшееся и вымечтанное; реальное и выдуманное.

Я не знаю, что такое книга. Не знаю, кем были те, кого называют людьми. Для меня они столь же загадочны, как мифические драконы и космические корабли. Их я тоже никогда не видел, но о них хотя бы рассказывают мои сокровища. А вот о людях почему-то никто не в силах мне поведать. Наверное, нет в моей коллекции артефактов такого, который знал бы – кем были эти таинственные существа. Да и были ли они на самом деле?

Странно, но подобные мысли приходят ко мне каждый раз, когда я поднимаюсь в круглый зал под прозрачным куполом, сквозь которое видно звездное небо. И каждый раз, когда я – уже в предрассветном сумраке – задуваю свечи в канделябре и подхожу к двери, я слышу неведомо откуда доносящийся шепот:

– Напиши меня...

Туманный Тупик

Старенький Мастер, крихтя, поднялся со стула и обвел торжествующим взглядом учеников:

– Дети мои! Как вы знаете, бургомистр и члены правления нашего маленького городка наконец-то раскошелились на столь важное дело, как масляное освещение. И каждой кузнечной мастерской дано задание: выковать фонари для одной из улиц. Понятно, что, если бы не предстоящий визит Его Императорского Величества, средств в казне не нашлось бы. Так что скажем спасибо тому квартирмейстеру, благодаря которому наш город наконец-то получает современное освещение, а мы – достойную и хорошо оплачиваемую работу.

– Мастер, а какую улицу выделили нам?

– Туманный Тупик. – Увидев помрачневшие лица учеников, Мастер покачал головой и нахмурился. – Я знаю, что вы сейчас подумали. Дескать, это самый мерзкий и темный, самый непотребный и грязный переулок нашего города. Там обитают продажные женщины и мелкие воришки. Все это так. Но вы должны понимать: мы – самая маленькая мастерская в кузнечном цехе. Не думали же вы, что нам поручат украсить своими работами Центральную площадь или улицу Золотоделов? Нет?! Тогда давайте просто выполним свою работу так, чтобы можно было гордиться ею. Чтобы несчастные женщины, вынужденные зарабатывать продажей своего тела, не падали в грязные канавы, возвращаясь домой темным зимним утром. Чтобы мальчишки, лазающие по чужим форточкам в поисках мелких монеток и серебряных ложек, не боялись, что в темном закоулке какой-нибудь громила отнимет украденную мелочь. Не нам судить жителей Туманного Тупика за их образ жизни. У нас есть таланты и умения, которые помогут этим бедным людям сделать их жизнь хоть немного светлее. Так что давайте просто займемся своим делом...

В Тупике должно быть установлено пять фонарей. Четыре сделаете вы, пятый – я. Мы выполним их в едином стиле, но на верхушке каждый из вас может установить какой-нибудь отличительный знак, подобный личному клейму мастера.

Принесите же листов бумаги, остро заточенных карандашей, а также инструменты для расчетов и чертежей. Мы должны хорошенько подумать, как сделать так, чтобы и улица была достойно освещена, и свет фонарей не мешал беднякам Туманного Тупика отдыхать, назойливо влезая в окошки. Это мы сделаем вместе. И я буду рад услышать ваши предложения и советы. А что касается намерения, то тут – только вам решать: будете ли вы обсуждать друг с другом задумки и идеи, или создадите украшение в секрете.

Бургомистр был доволен: визит Его Величества прошел великолепно. Хотя получасовой проезд кортежа императора через город вряд ли можно было назвать настоящим визитом, но все было организовано на высшем уровне: поверх брусчатки улиц были постелены красные ковры; нарядные жители выстроились на тротуарах и махали платочками и цветами; из окон свешивались гобелены с вытканными цеховыми знаками; и фонари на Главной улице, разумеется, сияли вовсю.

Бургомистр нахмурился: без маленькой ложки дёгтя обойтись не удалось. На следующее после праздника утро глава Городского Совета дал распоряжение, во избежание ненужных трат, убрать фонари из Туманного Тупика – мерзкой клоаки, которую никак не удавалось стереть с лица города и земли и нынешнему бургомистру, и пятерым его предшественникам. Рабочие уже направились к Тупику, но затеянному воспротивился старый Мастер, вместе с учениками ковавший пять фонарей.

Пришлось бургомистру идти к старику и говорить правду: восхищенный красотой и удобством созданных Мастером фонарей, глава города хотел бы поставить их в своей официальной резиденции.

– Дабы ваши достойные творения занимали подобающее им место, а не ютились на окраине города, – пытался улестить упрямого старика бургомистр.

Но Мастер только сдвинул густые брови и произнес такое строгое и категоричное «нет!», что сразу стало ясно: дальнейшие уговоры бесполезны.

Спустя неделю помощник бургомистра придумал, как добиться желаемого: надо просто дать распоряжение городским фонарщикам не заправлять фонари в Туманном Тупике маслом. Оказывается, все гениальное действительно просто!

Точнее, казалось простым. До тех пор, пока приказ не дошел до цеха фонарщиков, глава которого не только наотрез отказался выполнять распоряжение Самого, но и пригрозил, что, буде его принудят подчиниться приказу, фонарщики города вообще перестанут заправлять фонари.

Пришлось почтенному бургомистру оставить свою затею, хотя его мучило сознание несправедливости происходящего и зависть к нищebroдам из Туманного Тупика. Иногда, поздно вечером, когда на город спускалась тишина, бургомистр в сопровождении отборных телохранителей отправлялся в Туманный Тупик и долго стоял, вздыхая, возле каждого из пяти фонарей, являвших собой – каждый – истинное произведение искусства.

Высокие, стройные, на точеных фигурных ножках, похожих на стебли неведомого растения, с изящными, расширяющимися подобно цветам наверху, внутри которых, за прозрачным стеклом, плясало пламя, фонари были украшены символическими изображениями четырех евангелистов: орла, ангела и крылатых вола и льва. И только фонарь Мастера венчала маленькая птичка со сложенными крылышками – то ли воробушек, то ли голубка. Как ни тщился бургомистр разглядеть, какую именно птичку создал старый кузнец, но тени от домов и пляшущие отблески других фонарей мешали ему.

Постояв так какое-то время и послушав перекрикивания ночной стражи, глава города отправлялся восвояси. За ним темными тенями крались невидимые в ночи телохранители.

Старый Мастер умер через два года, оставив кузницу лучшему ученику: Мастер был одинок, лишь ученики были его семьей. И они любили учителя так, как не все почтительные сыновья любят своих отцов.

Стоя у смертного одра Мастера, юноши плакали и не стыдились своих слез.

– Не о чем горевать, – прошептал старик. – Ибо так устроено все в мире: старые должны уходить, освобождая дорогу молодым. Не ждите, что открою я вам сейчас самый заветный секрет нашего мастерства, ибо все, что мог, я уже передал вам, ничего не утаив. Скажу только: помните, во всем в этом мире – в любом человеке, даже в каторжнике-убийце, даже в сером камне под ногами, даже в сухой былинке в поле, – во всем – есть свет. И если хотите прожить свою жизнь достойно, научитесь видеть этот свет, в какую бы оболочку он ни был заключен.

А потом Мастер закрыл глаза, вздохнул еще раз и умер.

За гробом его шли не только коллеги по цеху и плачущие ученики, но и многие жители города. Все любили старика – за доброту и мастерство. А еще шли за гробом жители Туманного Тупика – проститутки, воры и пьяницы, – все те, кому подарил свет старый кузнец.

...Шли годы, десятилетия, века. Мирной и спокойной была жизнь в маленьком городке. Хоть и стоял он на перекрестке трех важнейших торговых путей, обходили его стороной многочисленные войны и переделы границ.

Стоило войскам дойти до окраин города, как то болезнь приключалась; то обрушивались дожди, превращавшие дороги в непролазную грязь; то съедали мыши все запасы еды для людей и корма для лошадей. Или вдруг, неожиданно, воюющие стороны решали начать переговоры, не доводя дело до битвы.

Шептались жители, что это четыре крылатых существа из Туманного Тупика охраняют город. И, пока будут они стоять на страже покоя и мира в городе, глядя с высоты фонарей, ничего не случится.

А некоторые даже утверждали, что видели, как слетали со своих мест вол, лев, орел и ангел и кружили над городом, высматривая врага за околицей или насылая на небо кары небесные и беды земные.

Но были и такие, кто говорил, что, на самом деле, город хранит та странная птичка, которую сотворил Мастер: то ли воробушек, то ли голубь. Никому еще не удалось разглядеть – что ж это за птица, хотя фонарщики исправно подливали масла каждый вечер.

Да и позднее, когда на смену масляным пришли газовые фонари, а потом – электрические, в фонаре Мастера все равно всегда горело пламя: светло-золотое, оно сияло ярче рекламных вывесок, уличных иллюминаций и разноцветных люстр за стеклами жилых домов.

Одно время жители города даже хотели украсить изображением птички герб города, но, долго спорив, так и не решили, должен ли это быть воробей или, все-таки, голубь.

А время шло своим неспешным шагом... Проходили годы, десятилетия, века. Но по-прежнему мирной и спокойной была жизнь в городке, потому что охраняли его четыре крылатых существа... или странная птичка Мастера.

Туманный Тупик из притона разврата и грабежей давно стал туристической улицей: с яркими сувенирными магазинчиками на первых этажах старинных домиков; с шумными, галдящими толпами туристов, жаждущих сфотографироваться на память возле представляющих историческую и культурную ценность фонарей Мастера и его учеников. Но, как бы ни изворачивались туристы, какой бы ракурс не выбирали, ни на одной фотке, голограмме или видео невозможно было разглядеть, что за птичка украшает фонарь, созданный в давние времена талантливым кузнецом.

И вот однажды в мир пришла война. Это была не просто еще одна, очередная война. Нет. Эта – должна была стать последней из войн, потому что вся планета раскололась на две части. И никто не мог остаться в стороне, потому что, попытайся хоть кто-то – будь то государство, город или человек – жить в мире, не обращая внимания на творящееся безумие, он был бы стерт с лица земли тем из противников, кто оказался бы ближе.

Жители маленького городка с ужасом ждали того часа, когда волны безумия и смерти доберутся до них. В городке не было ни войска, ни боевой техники, – за долгие века горожане привыкли, что им ничто не угрожает, ведь их охраняют от бед могущественные крылатые существа.

Но сейчас никто не смог бы помочь мирным ремесленникам и мастерам, потому что не только города, но целые провинции и штаты уничтожались с орбиты лучами смерти или бомбами, способными превратить в пустыню территорию целой страны.

В тот страшный день все жители города, предупрежденные, что готовится массированная орбитальная атака, собрались на Центральной площади. Люди пришли туда с детьми, принесли в креслах парализованных стариков и старух, вынесли кровати с больными. Все понимали, что спастись у них шансов нет. А погибать дома, закрывшись, как крысы, в под-

поле, не хотелось никому. Лучше встретить смерть лицом к лицу – рядом с друзьями и соседями, с теми, кто тебе дорог и кто будет держать тебя за руку в последний миг.

И вот с ясного голубого неба слетел тонкий золотой луч. Он расширялся, превращаясь в чудовищный веер, раскрывавшийся над городом, темнел, из золотого становясь охристым, потом – коричневым. И, наконец, стал чернее самой черной ночи, закружился воронкой, затягивая внутрь деревья из ближайшего леса, пласты земли с недозревшими хлебами. Вот он уже коснулся домиков на окраине, вот сорвал крышу с маленькой церквушки.

И тогда увидели жители, как из Туманного Тупика взлетели в небо четыре существа. И были это – крылатые лев и вол, и орел, и ангел с пламенным мечом. Они двигались навстречу черному облаку, и очи их сверкали огнем.

Но даже объединенных сил стражей – хранителей было недостаточно, чтобы остановить бушующий ураган, сжимающий кольцо вокруг города.

– Пришел наш последний час! – говорили люди на площади. – Суждено нам погибнуть здесь. Всем вместе. Давайте же молиться, чтобы смерть пришла к нам быстро.

– Смотрите, смотрите! – вдруг закричал какой-то малыш, вытягивая ручку вверх.

Впереди крылатых существ летела маленькая темная птичка – то ли воробушек, то ли голубь. Едва заметная на фоне черного неба, она стала увеличиваться в размерах, светлеть, на глазах разгораясь все ярче и ярче – так горит пламя свечи темной ночью, так светит первый луч, пробравшийся через плотную пелену туч. И, наконец, жители увидели, что это была вовсе не птица, а летучая мышь. Огромный нетопырь – точь-в-точь такой, как те, которых крестьянки метлами гоняют из скотных дворов, а мальчишки-служки закидывают камнями, увидев на чердаке церкви.

Распахнув перепончатые крылья, отливающие серебром, летучая мышь отважно ринулась навстречу буре. Темная волна ударила ее в грудь. Раздался такой треск, что многие, не выдержав, зажали уши руками.

Другие же закрывали глаза, не в силах видеть искры и молнии, разлетающиеся на границе света и тьмы.

А когда все кончилось и небо над городом снова стало безоблачным и синим, люди всей толпой двинулись в Туманный Тупик.

Все фонари были на месте: в целости и сохранности – даже стекла не треснули. А вот наверху осталось всего четыре: ангел, орел и крылатые вол со львом. На верхушке же фонаря Мастера больше не сидела странная птичка – то ли воробей, то ли голубь. И пламя больше не плясало за стеклом.

Черный, печальный стоял фонарь на озаренной солнцем улице, словно старое больное дерево в весеннем лесу. Но на стекле его четко был нарисован контур летучей мыши – то ли зверя, то ли птички. Уродца, самого презираемого во все времена людьми.

Тихо, как над покойным, стояли жители городка возле навсегда погасшего фонаря.

– Сынок, – негромко спросил молодой мужчина малыша, увидевшего нетопыря. – Но как ты разглядел летучую мышь в темном небе? Она ведь тоже была темной, да и маленькой.

– Она не была темной, папа, – ответил мальчик. – Внутри нее был свет.

Сказочница Наташа

Мы возвращаемся домой!

На мрачную безлюдную пустошь прибежала крошечная мышь. Она с опаской оглянулась и что-то закопала в землю. Потом обежала пустырь в поисках укрытия, но ничего не нашла. Тогда она села рядом с зарытым кладом и горько заплакала, обильно смочив следами сухую землю. Мышь знала, что ее ищет огромный рыжий кот, который уверенно шел по следу и вот-вот должен был появиться. И он появился...

...Рита копалась в древних фолиантах, отыскивая истории древности, как вдруг обнаружила что-то необычное: текст рукописи был странно зашифрован и снабжен картинками, но какими! Рита никогда такого не видела, но книга показалась смутно знакомой. Она спросила, откуда взялась рукопись, но никто из библиотекарей не знал, ее даже в реестре не было. Поэтому книгу продали Рите за символическую плату.

Забрав фолиант домой, девушка занялась поисками ключа к шифру. Она сопоставляла картинки и подписи к ним, отыскивала одинаковые знаки, подсчитывала и подставляла буквы алфавита. Работа шла медленно и трудно, но постепенно девушка смогла прочитать, что было написано в древней книге, оказавшейся дневником. Но чьим? Предстояло узнать...

День первый.

Эта дрянная мышь таки стащила мою вещь! Отправила кота на поиски. Он мышь нашел, а вещь нет, но показал место, где поймал хвостатую мерзавку.

День второй

Пошла на то место, посмотрела. Ничего не нашла, только кости и клочки шерсти. Ладно. Посмотрим, что будет дальше.

День шестой

Пришла на пустырь и что я вижу? Какой-то росток тянется из земли, прямо там, где кот мышь поймал. Такого никогда не было на этой безжизненной земле. Что происходит? Придется палатку ставить, жить здесь и наблюдать.

День восьмой

Сию здесь и смотрю, как развивается росток. Но растет он очень быстро. Может, это цветок какой-то новый? Пока не знаю, но никуда не ухожу. Буду делать зарисовки. Что-то мне подсказывает, что нужно задержаться.

День десятый

Росток вытянулся, но еще не окреп. Нужно к палочке привязать. Или полить? Вроде поливаю, но он начинает болеть и чахнуть. Лучше не буду воду навязывать. Пусть растет, как хочет.

День тринадцатый

Моя палочка помогла: росток обвился вокруг нее и, как малое дитя, стал увереннее тянуться вверх.

День пятнадцатый

Не перестаю удивляться, как быстро тянется росток к небу! Да хоть бы небо было, как небо, а то одна сумеречная серость. Я видела настоящее небо, когда путешествовала по мирам. А здесь... В голову пришла мысль: мышшь подослала Серая ведьма, которая правит этим миром. Мышь украла мою вещицу, а я застряла здесь, не знаю на сколько. Но и ведьма ничего не получила. Она же не знала, что у меня есть кот, отличный мышатник.

День восемнадцатый

Мой росток уже в дерево превратился! Что же это за земля такая, что растения растут не по годам, а по дням?

День двадцатый

Почки набухли. Что из них вылезет, листочки или цветочки? Подожду, посмотрю.

Через три часа

Вот это да! Маленькие ключики вместо листьев! Ай да мышшь! Так вот ты где спрятала мой ключ! А я-то, глупая, не догадалась покопаться в мусоре! Побрезговала. Сейчас выкапывать ключ поздно. Он на атомы растворился и дал жизнь множеству маленьких ключиков.

Хотела сорвать один, не дается. Извивается и норовит зубцами укусить. Придется ждать, когда созреют. А потом мне нужно все ключи собрать, чтобы ни одного не осталось, и в переплавку. Из них может получиться один универсальный ключ, открывающий порталы в любой мир. И тут я задумалась: уж не эту ли цель преследовала ведьма, послав ко мне мышшь? Ведьма, видимо, знала про особенности этой земли и велела мышши закопать ключ, чтобы потом завоевать другие миры.

Посмотрим, кто кого! Она не посмеет прийти сюда, чтобы не выдавать себя. А на меня ее колдовство не действует, у меня есть свой иммунитет – я из другого мира, более мощного и продвинутого.

День двадцать пятый

Ключики начали созревать и падают один за другим. Я не успеваю их ловить. Вытряхнула из корзины еду и туда ключи складую. Собрала первую партию, теперь надо проверить, куда ведет хоть один из «новорожденных». Протянула руку с ключом, открылся портал, где земля горит, вулканы извергаются. Другой показал мне водную гладь, которая через мгновение превратилась в сильнейший шторм. Третий показал рождение Вселенной. Ну, этого мне не надо. Не хочу превратиться в материю.

Пока разбиралась с ключиками, новый урожай созрел. Я на ключи внимательно посмотрела и обнаружила, что все они разные, каждый предназначен для особой двери.

Ключи второго урожая показали древние миры. Та-а-к. Придется каждую партию в разные мешки складывать, чтобы не запутаться, и пронумеровать.

Через пять часов

Собрала третий урожай. Остался последний, четвертый. Надеюсь, «плоды» покажут мне нужный мир, где я смогу сделать один универсальный ключ к миру порталов, чтобы найти тот, где можно спрятаться от дикой Серой ведьмы. А с другой стороны, чего от нее прятаться? Отправить ее туда, откуда выхода нет...

А дерево съежилось, засохло и превратилось в труху. Вот и отлично! Не будет больше ключи плодить...

Последний день – финишная прямая

Я нашла нужный мне Кузнечный мир! Позвала кота, открыла портал и ушла туда, где и переплавляла ключи.

Отмычка получилась уникальная – плоская, почти невесомая, складывающаяся в маленький квадратик, состоящий из четырех секций. Каждая секция ведет в определенный отрезок миров. То, что нужно. Несведущий никогда не догадается, что это такое. А если догадается, то может попасть в мир, откуда нет выхода. Да-да, такие тоже имеются. Я все проверила. В одном из них мой кот чуть не погиб, когда Серую ведьму заманивал. Я нуж-

ный ключик подобрала и подкинула ведьме. Она и купилась – бросилась за котом, который сделал вид, что украл. А в том мире ключ просто растворился. Я кота вытянуть еле успела прежде, чем проход закрылся, а ведьма там и осталась. Хоть Серый мир перестанет быть серым без колдовства и козней ведьмы.

Теперь займусь собой.

Найденный мною мир имел одно свойство: входящий в него забывал о своем прошлом и начинал жить с нуля, будто родившись заново. Но у меня есть одна хитрость – зашифрованное послание, предназначенное только для одного человека – для меня. Только я сама смогу расшифровать, прочитать, понять и вспомнить...

Сначала закину блокнот, а потом войду сама с котом на руках...

Засим прощаюсь.

Рита Грин

На этом записи в дневнике закончились. Рита, дочитав до конца, увидела подпись и ахнула – это же ее собственная подпись! В этот момент в ее голове что-то щелкнуло, и она вспомнила. Девушка закрыла книгу, провела рукой по задней грубой обложке, нащупала маленькую панель и нажала. В открывшемся углублении девушка увидела небольшой квадратик, состоящий из нескольких сложенных пластин. «Нашла! Поняла! Вспомнила!» – с облегчением констатировала Рита. Она позвала кота, который почему-то ничего не забыл и охранял свою хозяйку, показала находку. Кот сел, склонил голову и мяукнул, будто спрашивая: «Что дальше?».

– А дальше – мы возвращаемся домой, – уверенно сообщила Рита и побежала собирать вещи.

Обратная сторона Луны

Теплым летним вечером на крылечке своего дома сидел старик, курил трубку и смотрел на небо. Его внимание привлекала полная Луна. Она была любимым ночным светилом для поэтов и влюбленных.

Но размышления старика внезапно были прерваны:

– Дедуль, ты на Луну любишься? – Маша и Таша вышли на крыльцо.

– Любуюсь, – ответил дед, выпуская облако табачного дыма. – А вы чего не спите?

– А не можем заснуть, – ответила Таша. – Луна в окна светит. Даже сквозь шторы.

– Дед, а почему Луна к нам одной стороной повернута? – любопытная Маша не могла удержаться от провокационного вопроса.

– Это долгая история, – ответил старик. – Раньше Луна поворачивалась обеими сторонами.

– Дед, расскажи, расскажи, – загалдели внучки.

– Ну, ладно. Расскажу я вам лунную сказку.

Давным-давно Луна была веселая. Она могла танцевать вальс и делать быстрые вращения, которые в балете называют фуэте. Люди любили смотреть на лунный балет, и сами учились танцевать.

Так было бы и до сих пор, но пришел в наш мир злой колдун Самодур. Он хотел подчинить себе весь мир и быть его правителем. Колдун увидел лунные танцы и велел Луне танцевать только для него одного. Но гордая Луна ответила, что танцевать она будет для всех, чтобы люди радовались и забывали неприятности. Тогда колдун решил прекратить лунные танцы.

Однажды Самодур пришел на берег озера, увидел ночное светило в воде и понял, что делать. Колдун выловил лунное отражение и принес в свой замок. В тайной лаборатории маг произнес заклинание и превратил отражение в маленького круглого человечка.

– Как я долго спал! – произнес человечек, потягиваясь. – А кто я?

– Ты – Кругляш и мой новый повар, – сказал колдун и надел на голову Кругляшика поварской колпак.

– Что мой господин желает на обед? – новоиспеченный повар поклонился своему хозяину.

– Я желаю на обед и на ужин Луну! Или всю, или одну ее сторону, – заявил колдун.

– Будет исполнено, мой господин, – повар удалился.

Кругляшник нашел в замковой кухне большую сковороду, огромный нож и отправился к Луне. Но ему было трудно дотянуться до нужного объекта, и повар залез на крышу самого высокого дома.

Луна увидела странного человечка, кого-то ей напоминающего. Она присмотрелась внимательно и узнала в человечке саму себя.

– Эй, а ты кто? Как тебя зовут? – спросила Луна.

– Я – Кругляш, новый повар господина Самодура. Он захотел на обед и ужин Луну. И я пришел тебя готовить.

– Постой, как же ты будешь меня готовить? Я ведь живая! – возмутилась Луна.

– Ничего не знаю. Мне приказано, а я исполнительный, – отрезал Кругляш.

– Но ведь ты – моя копия! – Луна пыталась достучаться до упряма, но увидела, что все бесполезно. Тогда она отвернулась и заплакала.

Но у Кругляша не было сердца. И пока Луна плакала, он разрезал обратную сторону Луны на кусочки, собрал на сковороду, смочив лунными слезами, и унес в замок. Там он приготовил лунный ужин хозяину.

А Луна перестала танцевать. Ей было неловко показывать пустую спину.

Вот такая сказка.

– Дед, а что стало с колдуном? Он жив? – спросили девчонки с широко раскрытыми глазами.

– Нет, не жив. Он, как только съел лунную сторону, превратился в лунный ветер, и до сих пор летает по лунной поверхности, пытаясь заставить Луну танцевать.

– Так ему, злыдню, и надо! – девчонки сжали кулачки от гнева. А потом посетовали: – Эх, как жалко, что Луна не танцует! Тогда и мир был бы совсем другим...

Жила-была Шляпа

Жила-была Шляпа. Обыкновенная мужская шляпа. Обычная шляпа с высокой тульей. Их еще называют «цилиндрами».

Ну, так вот. Жила-была Шляпа.

Каждый день Шляпа украшала голову своего хозяина, который гордо вышагивал по Мэйн-стрит, постукивая тростью по булыжной мостовой. Шляпа осматривала все вокруг с высоты, улыбалась и была очень счастлива. А как же! Она была самой любимой из всех хозяйских шляп. Хозяин каждый день протирал ее мягкой тряпочкой и аккуратно ставил на полку.

По ночам Шляпа вспоминала свои путешествия. Ей очень нравилось, как летают птицы, чирикают воробьи. Она любила смотреть на проплывающие облака и скачущих солнечных зайчиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.